

Евразийская воздушно-космическая оборона идея и проект

А.И. Подберезкин

Журнал «Вестник МГИМО-Университета» начинает публикацию серии статей А.И. Подберезкина, посвященной разработке идеи и созданию абрисов концепции Евразийской воздушно-космической обороны (ЕВКО). Автор признает, что реализация такой системы сегодня может показаться фантастической идеей, хотя не менее фантастическим в свое время казалось создание ОБСЕ, а ныне – евроПРО с участием России. Тем не менее он настаивает на том, что политически, экономически и военно-технически эта идея может оказаться реальной, если, конечно, к ее реализации подходить поэтапно, «без фанатизма», учитывая интересы большинства стран Евразии. В то же время растущий удельный вес неопределенностей в международных отношениях начинает создавать для человечества большие, чем традиционные, опасности. Вниманию читателей представляется первая статья из планируемой серии, в которой обосновываются главные идеи научного проекта.

Мы зачастую слишком мало говорим об эмоциональной стороне дипломатии и международных отношений, а она играет все большую роль¹.

А. Торкунов

Активизация внешней и военной политики США и НАТО в Евразии имеет следствием очевидные негативные военно-политические последствия для России как в широком контексте, так и в области ВКО, которая является в современных условиях наиболее опасной и приоритетной сферой нарастающего соперничества на континенте. Эксперты справедливо отмечают, что «очевидны выдавливание нас с традиционных территорий влияния и рост военной угрозы нашей стране, а также попытки любой ценой наращивать свое присутствие на постсоветском пространстве. К примеру, сегодня одна из стратегических целей НАТО на постсоветском пространстве – установление военного присутствия на Каспии и в Средней Азии, регионах, богатых природными ресур-

сами. Ради этого Запад пытается купить местные элиты, привлекая их выгодными нефтегазовыми контрактами. Потом этих князьков можно скинуть и переформатировать местное государственное устройство. Для размещения своих баз на Каспии альянс найдет поводы, как нашел он их при вторжении в Ирак и Ливию»².

Создание эффективной системы глобальной (под эгидой ООН) или евразийской безопасности в нынешних условиях становится скорее декларацией о намерениях, а не реальной политикой. Как следствие – государства могут рассчитывать либо на повышение надежности национальных систем безопасности, либо на региональные объединения, где существуют общие мотивы и геополитические предпосылки. Соответственно такие модели могут

Подберезкин Алексей Иванович – д.и.н., профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Международные отношения

стать рабочими и при долгосрочном прогнозировании, и при военно-политическом планировании. Как справедливо заметил В. Захаров, «в этой связи военно-политический прогноз, который мог бы лежать в основе создания международных систем безопасности, становится больше искусством, чем наукой, так как отсутствуют проверенные и научно обоснованные методы его оценки и решающее значение приобретает человеческий фактор».

Поэтому значительное внимание сейчас уделяется принципиально новой ситуации, в которой военно-политическое сотрудничество ориентируется на неопределенность (в современном политическом лексиконе неопределенность фактически является синонимом понятий «опасность» и «угроза»). Подобная ориентация стала чрезвычайно важным доктринальным новшеством, поскольку концепция «реагирования на неопределенность», в отличие от конкретно ориентированных концепций «баланса сил», «сдерживания» или «устрашения», не только значительно расширяет систему военных опасностей и угроз, но и не позволяет предопределять необходимую реакцию на них, что исключает системный характер военно-политической интеграции.

Военно-политические интеграционные процессы сегодня связываются не столько с парированием плохо формулируемых вызовов и угроз, сколько с ценностной ориентацией. В этой ситуации Россия, претендуя на роль лидера на постсоветском пространстве, кроме демонстрации своих политических, экономических, военных и прочих возможностей, должна сформулировать для стран-партнеров систему общих ценностей³. Рост политической конфликтности усиливается ростом неопределенностей в развитии военных технологий и военного искусства новых способов использования этих возможностей. Это в полной мере и прежде всего относится к области ВКО, где происходит историческое соперничество между наступательными и оборонительными системами. Уже сегодня ученые спорят и пытаются прогнозировать не только новые политические и экономические конфликты, но и их будущие формы, вытекающие из революционных изменений в технологиях.

Так, исследователь МГИМО(У) В. Каберник делает следующие выводы:

- широкое распространение технологий двойного назначения приводит к сглаживанию технологического отрыва в военной сфере развитых государств от государств «второго эшелона»;

- высокотехнологичные системы и компоненты непрерывно дешевеют и уже в среднесрочной перспективе будут доступны заинтересованным акторам, как минимум, в варианте кустарных аналогов продвинутых боевых систем со сравнимыми характеристиками;

- стоимость комплексных НИОКР в военной сфере непрерывно растет, что является элементом стратегии удержания военно-технического превосходства. В то же время ряд таких проектов оказывается чрезвычайно дорогостоящим для внедрения даже в развитых государствах⁴.

Это означает, что создание эффективной ВКО территории возможно только совместными усилиями нескольких или даже многих государств. Создание евразийской системы воздушно-космической обороны (ВКО) сегодня может показаться фантастической идеей, хотя не менее фантастической в свое время казалось создание ОБСЕ, а сегодня – ЕвроПРО с участием России. Тем не менее представляется, что политически, экономически и военно-технически эта идея может оказаться реальной, если, конечно, к ее реализации подходить поэтапно, «без фанатизма», учитывая интересы большинства сторон. Особенно на фоне целенаправленной и очень активной деятельности США в этой области, которые выделили только на развитие систем ПРО на 2013-й фин. г. 7 750 млн долл. Агентству по противоракетной обороне страны⁵. Всего же за 1985–2012 гг. на эти цели уже истратчено 149,5 млрд долл.⁶.

Понятно, что основой евразийской ВКО в ближайшие годы может быть только российская система, хотя уже сегодня некоторые европейские страны, например Польша, Франция и Германия, обсуждают вопрос о создании собственной системы ВКО. Не избежать обсуждения этой проблемы и другим евразийским государствам, в частности Китаю, Индии, Вьетнаму и обеим Кореям. В лю-

История финансирования Агентства по ПРО*

Fiscal Year (FY) \$ in Billions

	FY85	FY86	FY87	FY88	FY89	FY90	FY91	FY92	FY93	FY94	FY95	FY96	FY97	FY98	FY99	FY00	FY01	FY02	FY03	FY04	FY05	FY06	FY07	FY08	FY09	FY10	FY11	FY12
President's Request	1.8	3.7	4.8	5.2	4.5	4.6	4.5	5.2	5.4	3.8	3.2	2.9	2.8	2.6	3.6	3.3	4.5	8.3	6.7	7.7	9.2	7.8	9.3	8.9	9.3	7.8	8.4	8.6
House Authorization	1.4	2.5	2.9	3.1	3.5	3.1	2.3	3.5	4.3	2.7	2.8	3.5	3.5	3.8	3.7	3.7	5.2	7.9	6.9	7.8	8.9	7.9	9.1	8.3	8.6	7.8	8.6	8.9
Senate Authorization	1.6	3.0	3.9	4.5	4.5	4.5	3.6	4.6	4.3	2.8	2.8	3.4	3.7	3.6	3.5	3.7	4.7	5.8	5.9	8.2	9.0	7.8	9.4	8.6	8.9	7.8	8.6	8.4
House Appropriations	1.1	2.5	3.1	3.1	3.2	3.1	2.3	3.5	4.3	2.8	2.8	3.5	3.5	3.7	3.4	3.6	4.6	7.9	7.4	7.5	8.7	7.6	8.9	8.6	8.4	7.8	8.6	8.6
Senate Appropriations	1.6	3.0	3.4	3.6	3.1	4.3	3.6	4.6	3.8	2.8	2.8	3.4	3.7	3.6	3.4	3.9	4.8	6.3	6.2	8.2	9.2	7.9	9.4	8.7	9.0	7.8	8.4	8.4
Authorization Passed	1.6	2.8	3.2	3.6	3.7	3.6	2.9	4.1	4.1	2.8	2.8	3.5	3.7	3.7	3.5	3.7	4.8	8.4	6.6	7.7	8.9	7.8	9.3	8.5	8.9	7.8		8.5
Appropriation Passed	1.4	2.8	3.2	3.6	3.7	4.0	2.9	4.1	3.8	2.8	2.8	3.4	3.7	3.8	3.5	3.6	4.8	7.8	7.4	7.7	9.0	7.8	9.4	8.7	9.0	7.9	8.5	8.4

* Historical Funding levels are for SDIO, BMDO and MDA.

бом случае эта проблема становится актуальнее с каждым годом в силу логики развития воздушно-космических вооружений и военной техники и способов их использования: для большинства экспертов становится все очевиднее, что военная сила как внешнеполитический инструмент определенно приобретает во все большей степени черты воздушно-космического потенциала.

Более того, судя по существующим тенденциям, классические пространства для военных действий – суша, вода, воздух, – безусловно, уступают место интегрированному воздушно-космическому информационному пространству, победа (или поражение) на котором предопределяет политические результаты военных действий. Соответственно способность эффективной защиты в этом пространстве означает уж не только возможность избежать поражения, но и способность противостоять политическому шантажу и способность сохранить суверенитет и национальную идентичность. В борьбе этносов на пространстве Евразии это имеет решительное значение.

Евразийская интеграция и ВКО

В силу разного рода объективных причин вопросы безопасности в Евразии станут в ближайшие годы наиболее приоритетной проблемой. Таких важнейших причин несколько. И связаны они с изменением в соотношении мировых сил, новой ролью Евразии, развитием ВВТ и новейших технологий. В частности, как отмечает профессор С. Небренчин, «по оценкам специалистов, переход к постиндустриальной экономике знаний знаменует начало азиатского цикла накопления капитала, а это означает новый виток геополитического противоборства вокруг Евразии, где уже сейчас протекает около 80% войн и вооруженных конфликтов. При этом в эпицентре столкновения глобальных интересов оказывается все постсоветское пространство. Главными инструментами внешнего вмешательства в дела самого большого континента на Земле выступают транснациональные корпорации, военно-политическая система НАТО и международная объединенная корпорация СМИ и интернет-ресурсов, которые действуют под жестким контролем “мировой закулисы”». И далее: «Известны планы провоцирования развала России посредством дальней дестабилизации обстановки в регионах Средней Азии, Кавказа и Поволжья, отделения от РФ Сибири и Дальнего Востока»⁷.

Учитывая, что удельный вес воздушно-космических средств нападения и обороны в общих военных потенциалах стремительно нарастает, можно сделать вывод, что они неизбежно станут предметом обсуждения на самом высоком политическом и военном уровне. Речь, конечно, идет не только о проблематике евроПРО, но и в целом о ВКО как в евразийском, так и в двусторонних аспектах. Академик А. Арбатов пишет в этой связи: «Очевидно, что евроПРО НАТО, запланированная без участия России и вопреки ее возражениям, не является базой для сотрудни-

чества... А российская ВКО... будет плохо совмещаться с общей (или сопряженной) системой евроПРО Россия – НАТО»⁸.

Переговоры по этой проблематике можно условно разделить на:

- функциональные, то есть посвященные отдельным видам наступательных и оборонительных вооружений, например стратегическим неядерным крылатым ракетам (СКР) или гиперзвуковым летательным аппаратам, а также роли ядерного оружия вообще, в том числе нестратегического;

- двусторонние, связанные с развитием или ограничением ВТС с отдельными государствами Евразии. Классический пример – отказ России от поставок в Иран ЗРК С-300, закупка систем ПВО Сирией, Вьетнамом и другими странами.

По сути, как отмечает в своем докладе Федерация американских ученых, обзорающей позиции «НАТО в области сдерживания и обороны (DDPR), нестратегические ядерные силы не являются ни причиной, ни решением вопроса европейской безопасности. Однако недостаток политического руководства ведет к тому, что эти системы обладают легитимностью, которой они не должны обладать»⁹. Важно подчеркнуть, что растущая активность США в военной области вообще и в области ВКО в Евразии в частности являются частью их общей евразийской стратегией. Как известно, она прикрывается рассуждениями о внедрении в странах этого региона американской системы ценностей. Так, в докладе помощника Госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Р.О. Блейка-младшего говорится: «Расширение нашего взаимодействия с правительствами стран Центральной Азии направлено не только на безопасность и экономические вопросы, но неизменно включает в себя откровенные и открытые дискуссии о необходимости политической либерализации, предоставления большей свободы гражданскому обществу, а также о необходимости уважать общепризнанные права человека»¹⁰.

Процесс евразийской интеграции в узком понимании – как торгово-экономическая интеграция Белоруссии, Казахстана и России (плюс, возможно, Киргизии и Таджикистана) – пока что обходит вниманием ключевую проблему создания единой системы воздушно-космической обороны (ВКО) на всей Евразии либо, хотя бы на первом этапе, на территории постсоветских государств. Между тем угрозы с этого направления становятся все более осязаемыми:

- во-первых, с геополитической точки зрения очевиден растущий потенциал военного присутствия США и НАТО в Центральной Азии. Как отмечают эксперты, «идея “Шелкового пути” не только существовала, но и была оформлена в проект закона еще в 1997 г. – задолго до начала войны США в Афганистане. В 1999 г. палата представителей США приняла “Закон о стратегии “Шелкового пути”», и сенат включил его в бюджетный “Закон по зарубежным операциям, экспортному финансированию и связанными с этим программами” на 2000-й налоговый год (FY 2000 Foreign

■ Международные отношения

Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act)»¹¹.

В этой связи обращает на себя внимание политическая логика руководства США в отношении Евразии, которая наглядно просматривается, например, в подходе главного информационно-консультативного органа правительства страны – Центрального разведывательного управления (ЦРУ). На официальном сайте этого ведомства Россия вместе с постсоветскими государствами Средней Азии представлена как эпицентр Евразии, «за скобками» которого остается европейская часть континента и восточные регионы (Восточная Сибирь и Дальний Восток). Представляется, что такое представление о России и Евразии неслучайно.

Если исходить из приоритетного внимания США к среднеазиатским постсоветским республикам, то подразумевается, что их дестабилизация (особенно Казахстана) приведет к распаду России на европейскую и азиатскую части. В этом случае наиболее развитые районы Южного Урала и Западной Сибири и коммуникации, которые проходят с запада на восток и с севера на юг по Челябинской, Омской, Новосибирской и другим областям, окажутся под фактическим контролем США, впрочем, как и основные российские запасы природных ресурсов¹².

Это подтверждается и другими изображениями политических карт Европы и Азии, на которых Евразия четко делится на две политические части – европейскую и азиатскую¹³.

«Этот закон обязал исполнительную власть США прилагать все необходимые усилия для построения в регионах Средней Азии и Южного Кавказа “открытых демократических систем” и “открытых рыночных экономик”. “Открытые” в терминологии США означает доступность для американского проникновения. Белому дому было предписано “активно продвигать участие американских компаний и инвесторов в планировании, финансировании и строительстве инфраструктуры коммуникаций, транспорта, включая воздушные сообщения, автодороги, железные

дороги, порты, морские перевозки, банки, страхование, телекоммуникационные сети, газовые и нефтяные трубопроводы”. Проекты должны реализовываться силами частного капитала, что подразумевает приватизацию местных ресурсов и инфраструктуры»¹⁴.

EUROPE

ASIA

«В мае 2006 г., с учетом военных реалий “Закон о стратегии Шелкового пути” был основательно обновлен и дополнен. В частности, США взяли на себя обязательство по “развитию внутреннего оборонного потенциала и обеспечению безопасности границ” государств “Шелкового пути”. Как объясняют разработчики из Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), “современный «Шелковый путь» является “частью противоповстанческой стратегии США в регионе”. Как и Северная сеть доставки (NDN) – пути снабжения оккупационных войск США и НАТО в Афганистане, проходящие через Россию, которую в Вашингтоне считают первым шагом к реализации “Шелкового пути”»¹⁵.

Таким образом, “Новый шелковый путь” продолжает американскую стратегию Большой Центральной Азии и преследует массу важных целей одновременно:

- освоение природных ресурсов Афганистана, оцененных геологической службой США в 1 трлн долл.;

- получение доступа к рынкам, насчитывающим более двух миллиардов человек – почти четверть населения планеты;

- строительство капитализма в регионе, многие районы которого находятся в феодальной стадии развития;

- получение предлога для расширения военного присутствия и размещения военных баз – “для защиты трубопроводов”;

- перенаправление природных ресурсов региона от Китая в Индию и Пакистан;

- создание региональной организации “государств Шелкового пути” в противовес ШОС и ОДКБ.

Что касается России, то она незримо присутствует в законе 2006 г., где ставится цель “предотвращения установления любой другой страной монополии на энергоресурсы или энергетическую транспортную инфраструктуру в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, способной ограничить доступ США к энергоресурсам”¹⁶;

- во-вторых, ни одна из стран, включая Россию, не говоря уж об Украине или Казахстане, неспособна обеспечить ВКО своей территории самостоятельно, без научно-технического и экономического сотрудничества с другими государствами СНГ и Евразии. Уровень такого сотрудничества, однако, определяется уровнем военно-политического сотрудничества, общностью системы ценностей и пониманием необходимости усиления позиций в конкуренции этносов в Евразии. Простой пример. За последнее десятилетие военные расходы США выросли с 300 до 700 млрд долл., а расходы на разведывательную деятельность – до 80 млрд долл.¹⁷;

- последние 20 лет продемонстрировали, что военная сила развитых государств, использовавшаяся США и их союзниками активно против Югославии, Ирака, Ливии и других государств, представляет собой прежде всего способность к нанесению высокоточных ударов авиацией и

крылатыми ракетами, а их нейтрализация зависит от развитой системы ВКО;

- в последнее десятилетие складывается ситуация, когда США фактически создают единую систему ПРО вокруг и в самой Евразии, состоящую из отдельных территориальных систем в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Предположительное завершение создания единой системы ПРО к 2020 г. может привести к такой ситуации, когда США смогут без особого риска использовать во всей Евразии высокоточные системы наступательных вооружений, превратив их фактически в потенциал первого, «разрушающего» удара. Традиционное ядерное сдерживание перестанет существовать, а вместе с ним и последний атрибут великой державы для России. Вместе с тем ряд экспертов, и среди них академик А. Арбапов, полагают, что имеющиеся у России комплексы средств преодоления ПРО (КСП ПРО) уже сегодня «на порядок более эффективны..., чем запланированная к 2020 г. система США/НАТО»¹⁸;

- потеря Россией возможности ядерного сдерживания неизбежно отразится не только на ее внешнеполитических позициях и суверенитете, но и на позициях ее союзников по ОДКБ, более того, на всей ситуации в Евразии. Фактически большинство из этих государств могут оказаться объектом шантажа массированным воздушным ударом по всей своей территории. Пример с Ливией очень показателен: война была выиграна с помощью КР и авиационных ударов без наземной операции;

- рост конфликтности в Евразии – очевидный факт, имеющий прямое отношение не только к Центральной Азии, но и к Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, где территориальные и экономические проблемы становятся все более острыми, а готовность к их разрешению снижается. В немалой степени этому способствует и растущая конкуренция в мире, борьба за ресурсы и влияние.

Сказанное свидетельствует о том, что проблема создания эффективной ВКО – это отнюдь не российская, а евразийская проблема, в решении которой должны быть заинтересованы по большому счету все государства континента. Но следует подчеркнуть, что и России необходимо решительнее выходить за рамки идеи создания национальной ВКО, которая не может быть реализована только с использованием ресурсов нашего государства. Тем более что такая система ВКО объективно не может «разорвать» решение проблемы евразийской безопасности на сугубо «российскую» и «остальную». Как справедливо заметил академик А. Торкунов, «при рассмотрении любого исторического феномена необходима своеобразная шкала мер, элемент сопоставления. Российскую государственность, степень консолидации российского суверенитета можно понять только на общем фоне международных отношений конкретного периода, только в сопоставлении с состоянием дел у ближайших соседей и лидеров мирового порядка»¹⁹.

В этой связи важно подчеркнуть тезис, который постоянно пытаются игнорировать в последние десятилетия: в международных отношениях,

■ Международные отношения

несмотря на возростание роли «мягкой силы» и экономических средств воздействия, на все процессы глобализации и «гуманизации», военная сила остается одним из решающих инструментов внешней политики. При этом важно понимать, что военная сила, как и в XX в., реализуется в двух формах – политико-психологической (давление, шантаж) и прямой, в виде военных действий. Для того чтобы политико-психологическая (в том числе «эмоциональная») форма была эффективной, нужно, чтобы угроза использования военной силы выглядела абсолютно реальной.

Здесь играют главную роль не намерения («intentions»), а возможности («capabilities») ее применения. «Центром военной активности США в Средней Азии, помимо Киргизии, стал Таджикистан. Согласно пресс-релизу, в Таджикистане Центральное командование ежегодно проводит от 50 до 60 программ и мероприятий в сфере безопасности, а в 2011 г. – более 70»²⁰. В частности, закончено строительство Национального центра боевой подготовки; создаются системы межведомственной связи для правительства Таджикистана; построен мост через реку Пяндж с пограничным и таможенным постами на таджикско-афганской границе – комплекс, который «способствует увеличению коммерческого обмена, укрепляющего связи Таджикистана с его южным соседом»²¹. «Институт иностранных языков министерства обороны США провел два 16-недельных курса английского языка для таджиков, закончена реконструкция Академии МВД Таджикистана, оказывается содействие в обучении кадров. Построены пограничные заставы в Шурабаде и Яхчи-пуне, на открытие которых в июне 2011 г. приезжал сам Браунфилд – там установлены «полы с обогревом»²²!

Военный партнер Таджикистана – Национальная гвардия штата Вирджиния – также расширяет военное сотрудничество: проведение боевой подготовки и обмен информацией в 2011 г. дополнены формированием «мирового подразделения», подготовкой «ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций» и военно-гражданской медицинской готовности»²³, – отмечает российский эксперт Г. Бородин.

Поэтому, когда мы рассуждаем об изменении соотношения военных сил и неприемлемом ущербе использования военной силы, необходимо иметь в виду, что стремление ведущих государств обеспечить себе силовые позиции неизбежно должно быть обеспечено материальными возможностями – соответствующими вооружениями, военной техникой, вооруженными силами и концепциями их использования. Сегодня речь идет прежде всего о высокотехнологических и высокоточных системах наступательных и оборонительных вооружений, которые (вкуче с информационными и коммуникационными) средствами составляют единый наступательно-оборонительный комплекс.

Ложные иногда рассуждения о «недопустимости войны», ее «невозможности», «аморальности» и «бесчеловечности» не имеют ничего

общего с реальной политикой, которая опирается не на намерения, а на интересы и возможности их реализации. Политические декларации имеют определенный смысл лишь до определенной степени. Реальность такова, как она описывается серьезными исследователями в области ядерной стратегии. Как отмечают эксперты, в 1998 г. из 6 тысяч ЯБЗ российских СЯС гарантированно достигли бы США не более 600 (то есть 10%). Но на самом деле ситуация выглядит еще сложнее. Как отмечают эксперты, «выполнение планов ядерной войны обеспечивается поддержанием в ВС США боезапаса около 5000 ядерных боезарядов (ЯБЗ), а во Франции, Великобритании и Китае ядерного боезапаса по 200–300 ЯБЗ у каждой страны. К югу от РФ, в Азии, находятся все остальные ядерные страны мира, осуществляющие качественное и количественное наращивания ядерных вооружений (сначала ближней, затем средней и потом большой дальности) – Израиль, Индия, КНДР, Пакистан. С завершением создания в Иране шиитской ядерной бомбы вокруг РФ почти замкнется дуга из ядерных стран»²⁴.

Понятно, что в России внимательно анализируют ситуацию и предпринимают действия по ее нейтрализации, в том числе в области ВКО. Конкретно речь идет о программе воздушно-космической обороны (ВКО), являющейся приоритетом Государственной программы вооружений до 2020 г. (ГПВ-2020). В 2011 г. на базе Космических войск был сформирован новый род войск – ВКО. В ГПВ-2020 на программу выделено порядка 20 процентов средств – около четырех триллионов рублей (примерно 130 млрд долл.). Помимо модернизации существующих и создания новых элементов системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), планируются массовая закупка зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф» и С-500 «Витязь», модернизация Московской системы ПРО (А-135), а также главное – создание интегрированной информационно-управляющей системы ВКО²⁵.

Podberезkin A.I. Eurasian aerospace defense as the idea and the project.

Summary: Magazine «Vestnik of the MGIMO-University» starts publication of series of articles, A. Podberезkin, dedicated to the development of ideas and create contours of the concept of the Eurasian air-space defense (EASD). The author acknowledges that the implementation of such a system today can seem like a fantastic idea, but not less fantastic in its time it seemed to the creation of the OSCE, and now – EUROPRO with the participation of Russia. Nevertheless, he insists that politically, economically and military-technically this idea can be real, unless, of course, to the implementation of the phased approach, «without fanaticism», taking into account the interests of the majority of the countries of Eurasia. At the same time, the growing weight of the uncertainties in international relations was created for humanity greater risks than traditional threats.

The attention of the readers is the first of a planned series, in which justifies the main ideas of the research project.

Ключевые слова

Воздушно-космическая оборона, российская ВКО, технологии, расходы, евразийская интеграция.

Keywords

Air-space defense, the Russian ACD, technology, costs, Eurasian integration.

Примечания

1. Рокоссовская А. Магистры мира // Российская газета. 2012. 27 сентября. С. 10.
2. Михеев С. Планы США и НАТО в Каспийском регионе и Средней Азии и следствия для Евразийского проекта России / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 108.
3. Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8.
4. Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего 2012. 3 октября / <http://eurasian-oborona.ru>
5. US Department of Defense Missile Defense Agency (MDA). Fiscal Year 2013 Budget Outline / <http://www.mda.mil/global/documents/pdf/>
6. US Department of Defense, Missile Defense Agency, Historical Funding for MDA FY 85-12*, млрд долл. США. Fiscal Year 2013 Budget Outline / <http://www.mda.mil/global/documents/pdf/histfunds.pdf>
7. Небренчин С. Иран в евразийском контексте внешней политики России / НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 111, 115.
8. Арбатов А.Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 22.
9. Non-Strategic Nuclear Weapons. FAS Special Report. № 3 / Эл. Ресурс Федерации американских ученых / <http://www.fas.org/pubs/>
10. Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк – о концепции присутствия США в Центральной Азии. 27 июля 2012 г. Эл. ресурс «Фергана» / <http://www.fergananews.com>
11. Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 133–134.
12. Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» // <http://www.cia.gov/library/>
13. Там же.
14. Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.
15. Там же.
16. Там же.
17. Alfergood D. Intelligence Spending Drops for a Second Year. October 31st, 2012. / <http://www.fas.org/libeary/2012/10>
18. Арбатов А.Г. Указ. раб., С.20.
19. Торкунов А.В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 46.
20. CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U.S. Central Command press-release. June 29, 2010. <http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership>
21. Там же.
22. Tajikistan: US Government rebuilds border guard facilities in Shurobod // Fergana News Information Agency. June 30, 2011. <http://enews.fergananews.com/news.php?id=2108>. См. также видео: Американские дипломаты на таджикско-афганской границе, 29 июня 2011 г. <http://nm.tj/politics/381-amerikanskie-diplomaty-na-tadzhiksko-afganskoj-granice-video.html>; оригинал видео на английском:
23. НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 157.
24. Маркелл Ф.Б. Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.
25. Арбатов А.Г. Указ. раб., С. 21.